

Ирина Машинская

НЕ УЕЗЖАЯ

ЛЕТО В РОДНОМ ГОРОДЕ

Спросишь мороженого — давай
паспорт.

Спросишь дорогу — почему
тебя не было кто
тебя знает.

Повсюду на всех перекрестках,
у груды камней хо ши мину
— разбился флакон разлился
липовый липкий,
блаженный,
как память, чрезмерный.

Милые же мои
друзья
ходят, пошатываясь,
легки и бесплотны.

Вытек с балкона на Ленинских, на Воробьевых,
над предгрозовою Москвой
над набухшим большим воробьем,
где знакомые травы
вдоль тропок собачьих овражков глядят, как чужие,
колеблемы ветром закона.

Ди, камыль и колюка легки и бессолены —
близнецы-тростники мои,
кувиклы в метро и поврозь.

•

Вот новости — *на эхе*, на песке,
а как было б проще.
Там родина висит на волоске
твоя, трепещет.

Бежит, божится, моется песок,
в твой берег жметяся.
И оборвать бы этот волосок —
а он не рвется.

ПЕРЕМЕНА МАРШРУТА

А. К.

Вот мое.
А твое получила перед отлетом, буквально
переходя по рифленой резине
по мостику с твердой земли на нетвердую —
и прости, но я вздрогнула от последней строфы
(Нас долго не выпускали, пригрозив
поначалу счастливой ночевкой в Борисполе:
якобы (с детства люблю это слово
— как яблоко
неудержимо по кругу по краю)
в Амстердаме штормило, хоть weather.com ничего не давало такого —
мы, в очереди гадали)
И маршрут оказался странный —
загнали куда и Макар — то есть в Лондон,
а потом я летела без времени из
Хитроумного где так ненадежен wifi,
но отличный рассветный espresso
у теплеющего понемногу стекла
Наконец я летела

в огромном двухпалубнике, кажется, 60-х годов,
совершенно пустом

и смотрела на крошечном грязном экране —
ты знаешь, он тронул — ужасный (heartbreaking),
то есть почти без киношки

The Danish Girl, из 20-х,
вот и времени нет наверху
и, в общем-то, нет расстоянья

ДОЖДЬ НА ПЯТНАДЦАТОЙ ДОРОГЕ

Водители ведут себя, как дети,
завидев полицейскую машину —
поспешно скорость скидывают и
вытягивают шеи

и жмутся в ряд, толпятся в строй, в затылок
из мешанины, из мешка за толлом,
и так покорны, Господи, как жалко,
все x в линейном уравнение.

[А полицейский форд в траве, как утка,
сидит себе, высиживает жертву
на разделительной траве лицом к востоку
в блестящем черно-белом оперенье].

Вторые сумерки стущаются
и в гимне
сплошных гудков сплошное Hallelujah
[как ты боялся змей, как сапоги мне
искал охотничьи, последних не жалея —

мы денег, думали, а оказалось дней,
как
врывался в уже запертую лавку,
кричал — мне было стыдно]

— все, в линейку
встаем, сейчас начнется давка

у входа [гладковыбритые щеки
как холодны и гладки, как спокоен...]
И в каждой,
        в каждой
                так же ходят щетки —
ты слышишь: дождь,
        ты слышишь: это Коэн!

Дорога поднимается ни валко
и темные холм за холмом снимает,
что головы,
        сейчас начнется свалка
[ему плевать, и ничего не жалко,
он о тебе и ни о ком не знает,

и как мы неприличные рисуем
записочки на желтых *post it notes*
и как смешно ты к Коэну ревнуешь] —
пока доеду, там наступит ночь.

Как ало расплываются — ну что там? —
шары в стекле
— и так я вдруг опять тебя люблю —

ты снова полн, полна
и делается жарко —
и на ходу стащить пытаюсь куртку —

щекой всему внезапному — в открытом
на север вспять летящему окурку —

отставшему от смерти журавлю.

НЕ УЕЗЖАЯ

Посматривая в мыльное окошко
на талый склон, пятнистый, как борзая,
мою свою небольшую посуду
и маленькая раковина есть
единственный источник света в марте

в отставшем по пути на склон, в деревья
с крученой шаткой лестницей наверх
в остывшем без него
почти фанерном доме,
сварганенном (как нравилось тогда, *под дерево*)
еще в семидесятых
неведомым строителем-правшой, любителем журнала
«Вокруг света»